

 **Андрей
Аствацатуров**
Хаос и симметрия
От Уайльда
до наших дней

Андрей Аствацатуров

Хаос и симметрия

От Уайльда
до наших дней

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Художественное оформление Андрея Бондаренко

Фото автора на переплете Екатерины Ожигановой

Аствацатуров, Андрей Алексеевич.

А91 Хаос и симметрия. От Уайльда до наших дней [эссе] / Андрей Аствацатуров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 380, [4] с. — (Интеллигент Аствацатуров).

ISBN 978-5-17-120081-7

“В этой книге — первая встреча Аствацатурова-прозаика с Аствацатуровым-филологом. Персональный опыт перемешивается с литературными наблюдениями, биографические подробности оказываются продолжением (или, напротив, истоком) творчества писателей, и всё вместе складывается в изящную мозаику, не лишённую и некоторой практической полезности: в конце концов, пишут сегодня многие, и подсмотреть, как у других выходят какие-то хитрые приемы, всегда полезно” (Галина Юзефович).

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120081-7

- © Аствацатуров А.А.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © Ожиганова Е.А., фото
- © ООО “Издательство АСТ”

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ФОРМУЛА КОНФЛИКТА	
<i>О рассказе Редьярда Киплинга “Лиснет”</i>	7
ПРИЗРАК КАК ХУДОЖНИК	
<i>О новелле Оскара Уайльда “Кентервильское привидение”</i> . . .	23
КОЛОНИЯ, ЖАНР И СЛОВО	
<i>О повести Джозефа Конрада “Сердце тьмы”</i>	36
ХАОС ИЛИ ПОРЯДОК?	
<i>О романе Джеймса Джойса “Улисс” (глава “Лестригоны”)</i> . . .	59
ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕК?	
<i>О романе Вирджинии Вулф “На маяк”</i>	76
ФОРМУЛА ВДОХНОВЕНИЯ	
<i>О поэме Томаса Стернза Элиота “Бесплодная Земля”</i>	92
ИГРАЕМ С АНТИЧНОЙ ТРАГЕДИЕЙ	
<i>О романе Уильяма Голдинга “Повелитель мух”</i>	108

США

УЛЫБКА ЧЕШИРСКОГО КОТА	
<i>О рассказах Джерома Дэвида Сэлинджера</i>	149

НЕВЫРАЗИМОСТЬ КОШМАРА	
<i>О рассказах Амброза Бирса</i>	167
УБИТЬ ОРФЕЯ	
<i>О повести Генри Джеймса “Письма Асперна”</i>	188
ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ	
<i>О рассказе Шервуда Андерсона “Руки”</i>	207
СОБИРАЕМ АМЕРИКУ	
<i>О романе Уильяма Фолкнера “Шум и ярость”</i>	223
МЕТАМОРФОЗЫ ВООБРАЖЕНИЯ	
<i>О романе Джона Апдайка “Кентавр”</i>	247
ВГЛЯДЫВАЕМСЯ В ПУСТОТУ	
<i>О повести Генри Миллера “Бессонница, или Дьявол на воле”</i>	267

РОССИЯ: СОВРЕМЕННОСТЬ

СТРАННИЧЕСТВО ИЛИ МЕТАТЕКСТ?	
<i>О рассказе Михаила Елизарова “Зной”</i>	297
ТРАГЕДИЯ ИНСТИНКТА	
<i>О рассказе Романа Сенчина “Косьба”</i>	315
КОМПОЗИЦИОННАЯ СИММЕТРИЯ	
<i>О рассказе Валерия Айрапетяна “Детство”</i>	328
НЕОЭСТЕТИЗМ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА	
<i>О виньетках Александра Жолковского</i>	339
ТЕАТР ЭМИГРАЦИИ И ПОСТАПОКАЛИПСИС	
<i>О романе Андрея Иванова “Харбинские мотыльки”</i>	363
ГЕРМАН САДУЛАЕВ КАК СИМПТОМ 2010-Х	
<i>О романе “Иван Ауслендер”</i>	373

Предисловие

Игра немного напоминает науку, а наука — игру. И там, и тут есть правила, которым приходится обучаться, которым должно следовать и которые когда-нибудь нужно обязательно отбросить, если ты, конечно, задумал изобрести что-то новое и стоящее. Но ученые часто чересчур серьезны, чтобы играть и развлекаться, а “записные” игроки слишком легкомысленны, чтобы думать серьезно. Наука — на стороне запретов и неудовольствия, игра провозглашает свободу и удовольствие. Невозможно строго следовать правилам и одновременно развлекаться. Так, по крайней мере, считал Голдинг, один из персонажей этой книги. Нужно выбрать что-то одно. Кстати, персонажи самого Голдинга выбрали для себя развлечение и тут же сделались дикарями, впали в первобытное детство, где законов и предписаний оказалось еще больше, чем прежде, когда они были законопослушны.

Жизнь не наука и не игра. В ней нет правил, в ней мало веселья, зато всегда наготове парадокс. Возможно, когда-нибудь она даст нам ответ на вопрос, как совмещать правила и развлечения, не рискуя оказаться в умозрительном, вымороченном мире игры в бисер.

Моя книга ни в коей мере не претендует на то, чтобы разрешить это противоречие. В ней есть наука и есть игра. Хотя и игра, и наука в ней чаще пребывают по отдельности, нежели вместе. Возможно, читая ее, кто-то улыбнется, а кто-то найдет здесь серьезную пищу для ума. Я адресовал ее всем, кто любит литературу, кто желает не просто читать, а разбираться в прочитанном; я адресовал ее филологам и, главное, — писателям, особенно молодым, тем, кого могут заинтересовать приемы и секреты мастеров литературы прошлого и современности.

Каждое из представленных здесь эссе — разбор текста, анализ арсенала приемов и секретов, которые в нем заключены. Книга состоит из трех разделов. В первом я рассматриваю тексты писателей Великобритании, во втором — писателей США. Третий раздел, наверное, самый для меня насыщенный. Его я посвятил современной русской прозе. Мне показалось важным и обязательным продемонстрировать, как приемы старых мастеров перемещаются и обживают в ситуации современной российской литературы. Я выбрал рассказы Михаила Елизарова, Романа Сенчина, Валерия Айрапетяна, металитературные виньетки Александра Жолковского, романы Андрея Иванова и Германа Садулаева. И наша современность меня не разочаровала. Я надеюсь, что российский читатель разделит со мной это ощущение, эту радость.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ФОРМУЛА КОНФЛИКТА

О рассказе Редьярда Киплинга “Лиснет”

Его обожали, им восхищались, ему подражали, его ненавидели. Путешественник, неистовый романтик, приземленный реалист, монархист, певец империи, демократ в искусстве, сказочник, гений, графоман, нобелевский лауреат, реформатор языка, прозаик в поэзии и поэт в прозе — за последние сто лет имя Киплинга обросло невероятным количеством эпитетов. Для англо-индийцев он был живым голосом; для британских либералов — воплощением всего самого реакционного и ненавистного; для утонченных декадентов и снобов — пошляком и грубияном; для специалистов-филологов — безусловным литературным новатором. Не получив систематического образования, он не раз поражал современников своими обширными знаниями в самых разных областях? Он написал превосходный роман “Ким” и безобразный

“Отважные капитаны”. Надо заметить, и плохие, и хорошие тексты — и тех, и других в его жизни было немало — Киплинг сочинял удивительно легко. Что странно для человека, часто переживавшего душевные расстройства и не излечившего детские травмы. Жиль Делёз говорил, что с невротами особо не попишешь. А Киплинг упрямо опровергал эту максиму. Он писал, да еще как — быстро, лихорадочно, самозабвенно, при этом нисколько не тяготясь литературной поденщиной. Напротив, в, казалось бы, рутинной журналистике он черпал силы и вдохновение. Репортерская работа — Киплинг много лет сотрудничал с газетами и журналами — лишь прибавляла жару, разжигала литературный аппетит, давала повод еще раз окунуться в реальность, щедро предоставлявшую сюжеты, факты, образы, типажи. Киплинг знал много — от мистических религий до последних открытий в естествознании, но всегда хотел знать еще больше. Безудержное любопытство влекло его в разные страны, на разные континенты и острова: Америка, Австралия, Африка. Ландшафты, горы, равнины, пустыни, саванны, города, люди, обычаи, верования, ритуалы — все проносилось перед ним.

Киплинг словно был подхвачен духом времени, внушавшим страсть к путешествиям и приключениям, тем самым духом, которым вдохновлялись его великие современники — Стивенсон, Хаггард, Конрад. Европа еще продолжала экспансию, стремясь преодолеть собственные пределы. Закрывая последние белые пятна, она осваивала удаленные земли и острова, а ее литература дарила читателям истории об отважных мореплавателях, флибустьерах, колонизато-

рах, открывателях новых территорий. Британия была впереди всех. Но она уже перегревалась. Покорив южные моря, подчинив земли Америки, Африки, Азии, империя начала уставать. Уже не удавалось с прежней легкостью осваивать, проглатывать лакомые куски, собирать свой гигантский пазл, который норвил рассыпаться. Тревожным симптомом перегрева стала Англо-бурская война, отвратительная, бесславная. Победа Британии обернулась чудовищным позором.

Но только не для Киплинга. Именно он стал тем, кто смог собрать рассыпавшуюся Британию. Он и был этой самой Британией — так тогда казалось многим, и ему самому в первую очередь. Однако были и другие мнения. Вирджиния Вулф, например, говорила, что Киплинг — мальчишка с игрушечным пистолетиком, выдумавший себе страну, которой на самом деле никогда не существовало. Вулф, конечно, сильно преувеличивала. Непобедимый флот, мощнейшая в мире армия, бесконечные колониальные и торговые войны, международный шпионаж — все это было более чем реальным. Но выглядело — и тут она была права — не столь убедительно и впечатляюще.

Киплинг и впрямь многое выдумывал. Трудолюбивых баронетов, отважных капитанов, солдат с их “героическими буднями”, честных чиновников, благородных колонизаторов, идиллических англо-индийцев. И так ярко, вдохновенно, что читатели невольно начинали заражаться персонажами Киплинга, превращая его выдумки в реальность. Причем это происходило не только в Британии, но даже далеко за ее пределами.

Советская Россия, разминавшая мышцы после Гражданской войны и восстанавливавшая собственные границы, любила Киплинга. Здесь ему прощали национализм, монархизм, империализм. Его цитировали, переводили, изучали. Им вдохновлялись классики советской поэзии: Эдуард Багрицкий, Николай Тихонов, Павел Коган, Владимир Луговской. В стихах Киплинга можно было с легкостью различить все императивы молодой советской страны: культ действия, героизм, демократизм, коллективизм. Бремя белых оборачивалось в советских стихах интернациональным долгом, волки, вожаки, отважные капитаны — комиссарами, идеалы империалистической экспансии — идеалами мировой революции, экзотические земли Африки и Океании — среднеазиатскими пустынями басмачей, которые нужно было покорять. Павел Коган однажды написал:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя*.

Откуда здесь Ганг, Англия, Япония? Известно откуда...

Киплинг собирал воедино готовую было рассыпаться Британскую империю. Здесь требовалось не только жадное любопытство, знание экзотических стран и обычаев, не только усилие воображения, но также спокойствие, отчужденность, холодный расчет

* “Лирическое отступление”, 1941 г.

мастера. Один из персонажей конрадовского “Сердца тьмы” говорит, что в колониальные земли нужно посылать только тех, кто не имеет свойств. То есть людей, не восприимчивых к болезням физическим и, главное, духовным, не заражающихся экзотической дикостью. Таким отчасти был сам Конрад. Таким же был и Киплинг. Необыкновенно пронизательным, но в то же время внутренне отстраненным. Вовлеченным в ситуацию и одновременно остающимся вне ее. Способным передать боль, счастье, уныние, воодушевление холодной интонацией репортера. И при этом ничуть не ослаблять их силу.

Создавая персонажей, Киплинг избегал глубокого аналитического психологизма, который был свойственен его современникам, и все свое внимание, всю силу своего воображения направлял на создание внешнего облика реальности. Предметы и люди в его текстах притягивались друг к другу той силой, которая была заключена на поверхности жизни.

И все же Киплинг обладал мировидением, которое сводило воедино его многообразную, норовившую развалиться вселенную. Люди, предметы, локации были для него кубиками Большой Игры. Мир строго делился на сферы, области, общности, регулируемые единым законом жизни, который в каждой из них проявлялся по-своему и соблюдался благодаря принятым, постоянным ритуалам. Законы и ритуалы одной системы не совпадали с законами и ритуалами другой.

Эту логику Киплинг перенес на взаимоотношения Запада и Востока. Запад и Восток для него — две непересекающиеся сферы. “Запад есть Запад, Восток